

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ТЕАТР ОДНОГО

УБИЙЦЫ



Полковник Гуров

Николай Леонов

Театр одного убийцы

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Театр одного убийцы / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Все начинает сильно смахивать на пьесу сумасшедшего драматурга, когда руководителя одного из московских театров убивают прямо во время спектакля, а главное подозрение падает на Марию Строеву. Но Мария – не только ведущая актриса театра, но и жена полковника Гурова, лучшего сыщика Москвы. И в спектакле, поставленном самой жизнью, полковнику предстоит сыграть ключевую роль, и сыграть безукоризненно, иначе его очаровательной супруге придется еще долго выступать в роли, отведенной ей прокурором.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Иванович Леонов Алексей Викторович Макеев Театр одного убийцы

ПРОЛОГ

Старинные часы пробили ровно девять раз. Их бой заглушил все разговоры в комнате и заставил присутствующих поднять глаза на пожелтевший от времени циферблат с вычурными бронзовыми стрелками и римскими цифрами по окружности. Едва отгремел последний удар, как часы заиграли менуэт, а минутная стрелка, резко дернувшись, перескочила сразу два деления.

Словно в ответ на звуки менуэта, камин в противоположном углу комнаты зашипел, пытаясь переварить сырое полено, и молодой черноволосый парень лет восемнадцати, одетый в защитную гимнастерку и черные брюки, заправленные в высокие, сверкающие лаком сапоги, встал со своего места, чтобы поправить строптивое полено.

Парень слегка покачивался и, подойдя к камину, оперся о его край, прежде чем взять кочергу. Затем он усмехнулся намалеванной на изразцах бандитской роже в папаше с красным шлыком и, небрежно пошарив в топке кочергой, вернулся к столу, уставленному бутылками с вином и всевозможными закусками с преобладанием фруктов. Крепкий широкоплечий мужчина в ворсистом халате и небрежно намотанном на голову полотенце словно специально дожидался его возвращения.

– Аа... Богоносцы... Достоевский. Смерть моя. Слышал, – заплетающимся языком презрительно проговорил он. – Вот кого повесить: Достоевского!

Молодая, очень красивая женщина, сидевшая справа от него, удивленно вскинула глаза. Казалось, она была удивлена не столько приговором, вынесенным Достоевскому мужчиной в халате, сколько тем, что он вообще заговорил об этом.

– За что? – немного иронично спросила она.

Но прежде чем мужчина в халате успел ответить, заговорил другой. Он расстегнул верхнюю пуговицу офицерского френча со следами срезанных погон и поставил на стол бокал, который до этого момента держал в руках.

– Капитан, ты ничего не понимаешь, – тоном доктора, ставящего диагноз больному, проговорил он. – Ты знаешь, кто такой был Достоевский?

– Подозрительная личность, – фыркнул мужчина в халате.

Парень в защитной гимнастерке прекратил свою борьбу со стулом, никак не желавшим придвигаться к столу, и посмотрел на мужчину. В его глазах читалось удивление.

– Витенька! Это ты уж чересчур.

Его поддержал пятый член компании – статный мужчина с густыми черными усами, одетый в форму капитана с нашивками артиллериста на рукаве. Он развел руками в стороны:

– Ээ... Действительно, Витя...

– Он был пророк! – горячо перебил его офицер со срезанными погонами, обращаясь к Виктору. – Он предвидел все, что случится. Ах, если бы мы могли предвидеть! Знаете, что такое этот ваш Петлюра?

– Пакость порядочная, – брезгливо поморщился мужчина в халате.

– Это не пакость. Это страшный миф. – Офицер вскочил со стула. – Его вовсе нет на свете. Это черный призрак, мираж! Гляньте в окна. Посмотрите, что там видно.

– Алеша, ты напился, – укоризненно проговорила молодая женщина и попыталась поймать офицера за край кителя. Но он увернулся от ее рук.

– Там тени с хвостами на головах и больше ничего нет! – Алексей перешел почти на шепот. – В России только две силы. Большевики и мы. Мы скоро встретимся. И один из нас уберет другого. И вернее всего, убьют нас. А Петлюра и весь этот кошмар, все это сгинет. А вслед за ними с полчищами своих ангелов придет Троцкий.

– Господа, доктор совершенно прав, – заявил артиллерист и поднял бокал. Но выпить ему не дали.

– А-а... Троцкий! – Мужчина в халате вскочил из-за стола. В голосе его звучала ненависть. Он выхватил револьвер из кобуры, лежавшей на столе, и махнул им, выбив бокал вина из рук капитана. – Троцкий... Который из вас Троцкий?

– Капитан, сядь. Сядь! – попытался остановить его артиллерист.

– Виктор, что ты делаешь! – почти одновременно с ним испуганно закричала женщина.

– Сейчас комиссаров стрелять буду! – радостно захохотал мужчина в халате. – Ах, ты ма...

На него тут же навалились. Доктор, только что рассуждавший о будущем России, первый вцепился в разбушевавшегося Виктора. Но один оказался не в силах удержать его. И лишь когда на помощь подоспели артиллерист и замешкавшийся парнишка в защитной гимнастерке, им втроем удалось скрутить Виктора и вырвать у него пистолет.

– Дайте мне его сюда, – попросила женщина, и Алексей протянул ей револьвер стволом вперед. – Так будет спокойнее...

– Стоп! – перебил женщину яростный крик. – Так не пойдет. Бред какой-то выходит!

На сцену театра выскочил высокий худощавый мужчина в черном клетчатом джемпере и серых брюках. Он выдернул из рук женщины пистолет и сунул его в карман.

– Никуда не годится! – продолжал возмущаться он и пригрозил пальцем женщине: – Мария, ты должна брать оружие не брезгливо, а с ненавистью. Ведь, по замыслу Булгакова, твоя героиня в «Белой гвардии» олицетворяет стремление всей России к миру, усталость от войны и ненависть к кровопролитию.

– А по-моему, Елена просто слабая и запутавшаяся женщина, – возразила ему Строева. – Она молода. Хочет любить и быть любимой. Но она не может понять, где правда, а где ложь, и очень боится окружающей ее действительности.

– Вы оба судите о ней однобоко, – раздался из зала еще один голос. – Елена Тальберг скорее дикое сочетание всего, что вы сказали. И, госпожа Строева, если вы будете продолжать делать из нее полную размазню, я буду вынужден снять вас с роли! Такой бездарной игры не должно быть на подмостках этого театра.

– Да вы не имеете права! – возмутилась Мария.

– Еще как имею. И вы прекрасно об этом знаете. – Голос не дал ей договорить. – Пока что я художественный руководитель этого театра, а не вы! А сейчас потрудитесь вернуться на место и повторить последнюю сцену еще раз. Только без пистолета.

Строева ничего не ответила. Несколько секунд она испепеляюще смотрела на Левицкого, нового худрука театра, где она играла не первый год. В ее глазах было столько ненависти, что всем показалось, будто она готова его убить. Но Мария только покачала головой и, круто развернувшись, бросилась за кулисы.

– А сцена с пистолетом действительно дурацкая. Ее нужно убрать. Тем более что в оригинале Елена даже не притрагивается к оружию, – не обратив никакого внимания на уход со сцены ведущей актрисы, проговорил Левицкий и, секунду помедлив, добавил: – Думаю, вам, Игорь Станиславович, больше нет смысла пробовать себя в амплуа помощника режиссера. Вы заместитель директора театра, вот и занимайтесь своими прямыми обязанностями. А я назначу другого человека на подготовку этой премьеры.

– Как вам будет угодно, – сдержанно ответил мужчина в клетчатом джемпере и поднял со сцены револьвер. – Не забудьте реквизит, – проговорил он и, положив оружие на стол, ушел вслед за Строевой.

– Тоже мне, звезда! – фыркнул в партере Левицкий и хлопнул в ладоши: – Всем перерыв. Полчаса. И передайте Строевой, что, если она снова сбежит со сцены, я заменю ее. Дублерша справится с этой ролью ничуть не хуже!

Актеры неровной цепочкой потянулись за кулисы. Левицкий, провожая их взглядом, даже не пошевелился в кресле.

Артем Игнатьев, игравший Николая Турбина, выходил со сцены последним. Он слегка придержал Вадима Денисова, разматывавшего полотенце на голове. Вадим удивленно посмотрел на него.

– Тебе чего, व्यюнош? – спросил Денисов.

– Что Левицкий так на Марию взъелся? – недоуменно поинтересовался тот. – Сначала, как в театр пришел, чуть не на руках ее носил, а теперь готов сожрать и кости выплевывать. Как будто она ему не дала!

– Именно так, Тема, – усмехнулся Вадим. – Просто взяла и не дала. Женщины мужчин так из равновесия и выводят.

– Да брось ты! – фыркнул Игнатьев. – Неужели этот маленький, лысый и пузатый пень всерьез рассчитывал приударить за Строевой? Да ни в жизнь не поверю! Она звезда. Красавица. Да к тому же муж у нее...

– А Левицкий худрук, – пожал плечами Денисов. – И если ты подзабыл, могу напомнить, что именно от него зависит, будет ли играть Строева в этом театре или ей придется искать себе другое место.

– Да кто это ему позволит Марию отсюда выгнать? – изумился Артем. – Мы же половину сборов на ней делаем.

– Никто ее не будет выгонять. Просто еще пару недель таких издевательств, и Строева сама все бросит и уволится, – махнул рукой Вадим. – Или действительно пристрелит его, как и грозились...

– А что, Мария и вправду грозилась Левицкого застрелить? – удивился юный Игнатьев.

– Да ну тебя, Тема! – махнул на него рукой Денисов. – Ты как будто не в театре работаешь, а в глухом лесу поганки собираешь...

Вадим развернулся и пошел в свою гримерную. А Игнатьев остался стоять на пересечении коридоров, удивленно глядя вслед коллеге и раздумывая над его словами.

В театре действительно в последнее время происходило что-то странное. С приходом нового художественного руководителя не только обновился репертуар, но и кардинально изменилась атмосфера внутри труппы. Артем учился во ВГИКе и не так часто бывал здесь, но и от него не укрылось то, что в театре началась настоящая война. И, судя по всему, зачинщиком был именно Левицкий.

Впрочем, молодого актера это не особо беспокоило. Он был востребован и в свои девятнадцать лет успел сыграть уже в трех спектаклях. Артем придерживался твердого убеждения, что во время любой постановки трения между режиссером, худруком и актерами просто неизбежны. И самой большой глупостью, которую можно было сделать во время генеральной репетиции, – это обращать внимание на всякие закулисные сплетни по поводу сексуальных домогательств и возможных убийств. Поэтому он пожал плечами и, насвистывая популярный мотивчик, отправился к себе в гримерную.

Строева так не считала!

Для нее те проблемы, что начались с приходом в театр Левицкого, были куда как серьезны. Поведение худрука по отношению к ней переходило все границы дозволенного. С

такой наглостью и беспардонностью даже она, немало повидавшая на своем веку, еще никогда не сталкивалась.

Левицкий явно решил избавиться от нее. И он делал все, чтобы вывести Строеву из равновесия и выставить ее перед остальными спесивой дурой, возомнившей себя суперзвездой. И, что самое страшное, худруку это здорово удавалось!

Левицкий всегда находил самый лучший момент для того, чтобы нанести очередной удар по ее самолюбию. Например, сегодня. Ну какой нормальный руководитель скажет актрисе, уже доказавшей свою состоятельность и зрелость на театральном поприще, что она играет бездарно? Особенно во время генеральной репетиции. Можно подумать, что раньше нельзя было определиться, подходит она на эту роль или нет!

Конечно, Мария понимала, что вела себя как школьница. Не стоило ей убежать со сцены и устраивать истерики, какими бы оскорбительными ни показались ей слова Левицкого. В конце концов, на то она и актриса, чтобы суметь сыграть спокойствие и терпение даже в такой ситуации, когда внутри все кипит. Но она просто больше не могла терпеть его издевательских придинок!

В дверь гримерной Строевой постучались, и Мария, немного поморщившись, разрешила войти. На пороге появилась ее лучшая подруга, Светлана Турчинская, игравшая в этой же постановке «Белой гвардии» роль Ванды Лисович. Она секунду помедлила, подозрительно посмотрев через плечо в коридор, а затем плотно прикрыла за собой дверь.

– Мария, я все слышала! – заявила она. – Этот старый похотливый козел...

– Давай не будем опять об этом, – недовольно поморщилась Строева. – Сколько можно переливать из пустого в порожнее?

– Да ты послушай меня, – махнула руками Турчинская, присаживаясь в свободное кресло. – Левицкий отстранил от работы Игоря Станиславовича...

– Единственный верный поступок, – пожалала плечами Мария, стараясь выглядеть равнодушной. – Бельцеву действительно лучше заниматься своими прямыми обязанностями. Как помреж он плохо смотрится.

– Да дослушай меня! – возмутилась Турчинская. – Игорь Станиславович пошел к Воронцову и рассказал о тех безобразиях, которые творит Левицкий в театре. И, в частности, в отношении тебя! Наш директор тут же спустился вниз и потребовал от худрука быть сдержанней и тактичней. И ты знаешь, что сказал ему этот пухлый уродец?

– И знать не хочу! – попыталась отмахнуться от подруги Мария, но та ее не слушала.

– Говорю дословно, ты уж меня извини. – Тараторившая без умолку Светлана на секунду сделала паузу и закончила, подражая голосу худрука: – Мне наплевать, что возомнила о себе эта ментовская подстилка. Но если она и дальше будет игнорировать мои указания, то вылетит с роли!

На секунду в гримерной повисла гробовая тишина. Левицкий и раньше позволял себе довольно нелестные высказывания в адрес Строевой, но такого хамства она от него не ожидала. Поэтому первые несколько секунд Мария просто сидела с открытым от изумления ртом, не в силах ничего сказать.

Турчинская даже испугалась, увидев такую реакцию своей подруги. Ей и самой было бы неприятно услышать подобные слова из уст худрука одного из лучших театров Москвы. Светлана понимала, что Марию они просто взбесят. Но, увидев целое море ненависти в глазах подруги, засомневалась, а следовало ли вообще передавать ей эти слова Левицкого.

– Вот сука! – прошипела Строева, когда наконец смогла переварить услышанное.

Светлана, прекрасно знавшая, как ее подруга может иногда материться, слегка поморщилась, ожидая продолжения тирады. Но Мария удержалась от прочих эпитетов. Она просто вскочила со стула и отшвырнула его от себя.

– Он еще поплатится за эти слова! – проговорила она, с ненавистью глядя на дверь, будто видя там Левицкого, а затем повернулась к Турчинской: – Светка, если ты когда-нибудь услышишь, что хушрука застрелили, то знай, что это сделала я!

Турчинская кивнула, впрочем, ничуть не веря в реальность угрозы. Она прекрасно знала, что приведенная в ярость Мария может и без того испортить жизнь кому угодно.

– Ладно, успокойся! – проговорила Светлана, подходя к Строевой и слегка обнимая ее за плечи. – Эта сволочь не заслуживает того, чтобы ты так из-за него переживала. Лучше соберись и покажи всем, как ты можешь играть. Воронцов сейчас будет в зале и тебя в обиду не даст!..

И в этот момент в коридоре зазвенел звонок, призывая актеров продолжить репетицию.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

За окном моросил мелкий и нудный октябрьский дождик. Погода в Москве испортилась окончательно.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Гуров стоял у окна и курил сигарету, пуская дым в открытую форточку. В кабинете было почти идеально тихо, если не считать барабанной дробы холодных капель по железному козырьку подоконника и доносившегося с улицы шума проезжавших мимо машин. Но сыщик не обращал на это внимания. Его мысли были далеко...

Совсем недавно на одной из московских свалок и в Измайловском лесопарке были найдены два трупа – старика, инвалида Великой Отечественной войны, и женщины, одинокой старой девы сорока двух лет от роду, некогда работавшей учительницей математики в одной из московских школ и уволившейся оттуда по состоянию здоровья. Убиты они были в разное время и разными способами. Однако жертвы имели между собой и кое-что общее.

Во-первых, убитые проживали в одной и той же «хрущевке», расположенной сразу за тем театром, где работала Мария Строева.

Во-вторых, ни старик, ни женщина смертельных врагов не имели, денег не накопили, и единственным их богатством были квартиры. У ветерана – двухкомнатная, у учительницы – однокомнатная. И почти сразу после начала следствия стало ясно, что именно квартиры стали побудительным мотивом для их убийства.

Ровно за два дня до своей смерти эти люди продали свое жилье фирме «Гранит», занимавшейся покупкой и продажей недвижимости, а также ремонтом и строительством домов. Документы о продаже квартир были оформлены безукоризненно. Сотрудники «Гранита» в обоих случаях выезжали для заключения сделок домой к клиентам и, по их утверждению, ничего подозрительного не заметили.

Правда, дома и у старика и у учительницы во время продажи квартиры присутствовали какие-то мужчины, которых сотрудникам «Гранита» представили как соседей, призванных помочь в подписании документов. Но вели себя эти люди спокойно, корректно. Ни во что не вмешивались. Лишь помогли пересчитать деньги. И сотрудникам «Гранита» показалось, что эти соседи пользовались доверием ветерана и учительницы.

Судя по описаниям, которые удалось получить сыщику, при заключении договоров на продажу квартир в обоих случаях были задействованы разные люди. Но, учитывая почерк преступлений и способы продажи жилья, можно было почти утверждать, что в обоих случаях действовала одна и та же группа. Именно ее Гуров и пытался вычислить.

Сыщика с самого начала очень многое в этом деле настораживало. Судя по ранам на телах жертв, было очевидно, что и старик и женщина согласились продать свою жилплощадь только под пытками.

То, что над ними истязались прямо на дому, было маловероятным. Слишком много шума и риск быть услышанными соседями.

Более вероятным Гурову казался другой вариант. Скорее всего, обоих вывозили куда-то за город и там заставляли отказаться от квартир. Но тогда становилось непонятным, почему, вернувшись домой, обе жертвы не попытались позвать на помощь. Тем более когда к ним приходили агенты «Гранита»!

Объяснений для этого у Гурова было несколько. Сыщик считал, что либо сотрудникам фирмы, заключающим сделку по покупке недвижимости, были предъявлены вместо хозяев квартир совершенно другие люди, либо жертвы квартирных вымогателей были чем-то запуганы настолько, что не пытались взывать о помощи. Например, взрывным устройством с дистанционным управлением, прикрепленным к телу.

Не исключал Гуров и еще один вариант – причастность «Гранита» к совершению преступлений. Только сегодня он получил информацию, что эта фирма усиленно скупает квартиры именно в том доме, где проживали убитые. Этот дом, хотя и был довольно ветхим, под снос не предназначался. А «Гранит» не выставял купленные квартиры на продажу. И сыщика это настораживало.

Как настораживало и то, что квартирные вымогатели продали жилье своих жертв одной и той же фирме. Обычно после таких преступлений квартиры убитых людей продаются без каких-либо посредников, чтобы избежать излишней бумажной волокиты. Да и продают их не сами жертвы, а их новоявленные «наследники». А в этом деле все было наоборот.

– Лева, ты там не уснул? – прервал размышления сыщика Крячко, но Гуров даже не пошевелился.

Станислав сидел за своим столом и не отрывал глаз от Гурова с того самого момента, как сыщик, стрельнув у него сигаретку, подошел к окну. Крячко сбросил ноги, обутые в остроносые ковбойские сапоги, со стола и подошел к Гурову. Встав рядом, он внимательно посмотрел в окно, поведив головой из стороны в сторону.

– Странно, – проговорил Станислав. – Улица как улица. Ничего особенного.

– А что ты ожидал увидеть? – Гуров удивленно посмотрел на него.

– Да знаешь, Лева, я все пытаюсь открыть секрет того, как на тебя снисходит божественное озарение, – развел руками Крячко. – Сейчас ты на мой вопрос не ответил, и я решил, что именно такой момент истины и настал. Вот и подошел, надеясь увидеть, как это происходит. Может, тебе апостол Павел с соседней крыши сигнальными флажками машет? Или, на худой конец, какая-нибудь заваливающая фея на облаках картинке рисует? А тут ничего. Только дождь. Или, может, я просто не туда смотрю? Подскажи, о гениальнейший!

– Не поможет, – улыбнулся сыщик. – Это только для посвященных. Таким примитивам, как ты, озарения не положены.

– Во-во! – согласился Станислав и вернулся к своему столу. – Мы все должны горбатиться, пока такие блаженные, как ты, с господом беседуют и показания с него снимают...

Гуров усмехнулся и отошел от окна. Он вернулся за свой стол, который стоял напротив места Крячко, и пролистал дело о квартирах. Станислав с улыбкой наблюдал за ним.

– Ну, так ты поделишься своими мыслями, мистер Холмс, или мне вечность в неведении томиться? – спросил он Гурова.

– А тебя они почему так интересуют? – ответил вопросом на вопрос сыщик. – Ты же совсем другим делом занимаешься...

– Так разве я могу упустить возможность поучиться у такого гения сыска? – всплеснул руками Станислав. – А вдруг ты завтра на пенсию уйдешь? Или профиль поменяешь? Станешь убийцей, например. Для разнообразия.

– А что, ты заметил во мне такую склонность? – Гуров склонил голову набок и иронично посмотрел на друга.

– Пока нет, – пожал плечами Крячко.

– Вот тогда и не мели языком без толку! – отрезал сыщик и вновь погрузился в изучение документов.

– Прав был Булгаков. Испортил москвичей квартирный вопрос, – горестно вздохнул Крячко. – Вот и ты совсем черствым стал...

– Что выросло, то выросло, – не поднимая головы, вновь оборвал его Гуров. – Не мешай работать, Стас. А если тебе заняться нечем, то сбегай в экспертный отдел и принеси мне результаты вскрытия.

– Ща-ас, ваше сиятельство! – фыркнул Станислав и взял со спинки стула свою потертую кожаную куртку. – Разбиваю коленки. Может быть, по дороге кофе тебе купить?

– Можно и кофе, – сыщик поднял голову от документов. – Ты что сегодня такой агрессивный?

Крячко на секунду замер, застыв посреди кабинета с надетой лишь на один рукав курткой. Станислав удивленно посмотрел на Гурова, а затем склонил голову набок, как бы прислушиваясь к себе. Хмыкнув, Крячко махнул свободной рукой и надел куртку.

– Хрен его знает, Лева, – совсем другим тоном ответил он. – Погода мерзкая, с делом не ладится, «спартачи» вчера проиграли... А на самом деле просто устал, наверное. Пойду поговорю с этой чокнутой пострадавшей. А потом домой. К телевизору и пиву. Ты долго тут еще торчать собрался?

– Посмотрим, как все пойдет, – неопределенно ответил Гуров. – Но за Марией в театр я все равно поеду...

Крячко махнул рукой, прощаясь, и вышел из кабинета. Сыщик остался один и, секунду подумав, потянулся к телефону. Взяв трубку, он, даже не посмотрев в свои записи, уверенно набрал номер телефона директора «Гранита» Виктора Большакова и принялся ждать ответа.

Трубку сняла секретарша Большакова. После обычной процедуры – «подождите секунду, я узнаю, сможет ли Виктор Петрович с вами поговорить!» – Гуров наконец услышал голос директора «Гранита». Они уже встречались однажды, когда сыщик наводил справки по поводу покупки квартир, и поэтому Большаков обратился к нему по имени-отчеству.

– Чем я на этот раз могу помочь вам, Лев Иванович? – довольно приветливо поинтересовался директор.

– Мне нужно уточнить с вами кое-какие детали, относящиеся к расследуемому мною делу, – сухо ответил Гуров. – Когда мы с вами можем встретиться?

– А это срочно? – немного растерянно спросил Большаков.

– А вы думаете, розыски убийц двух человек могут подождать? – Сыщик ответил вопросом на вопрос.

– Ну так ведь не президента же убили, – вздохнул директор «Гранита» и тут же поправился: – Ладно-ладно. Я все понимаю. Приезжайте в любое время. До семи я на месте.

– Через полчаса я буду у вас, – ответил ему Гуров и положил трубку.

Прежде чем уйти из кабинета, сыщик сделал еще один звонок. Гуров прекрасно понимал, что его предположения о возможной причастности фирмы Большакова к квартирным вымогательствам и убийствам требуют серьезных подтверждений. Иначе они и гроша ломаного не стоят. И сыщик собирался использовать все возможности для того, чтобы подтвердить или опровергнуть их.

Фирма «Гранит» работала на московском рынке недвижимости уже около пяти лет и ни разу не фигурировала ни в каком из уголовных дел. Это, конечно, еще не означало, что у Большакова нет контактов с преступным миром. Но, по крайней мере, давало право говорить об отсутствии в штате «Гранита» людей, способных пойти на убийство.

Если Большаков был причастен к смерти старика и учительницы, то он наверняка должен был обратиться к какому-нибудь авторитету, с тем чтобы найти исполнителей своего замысла. И, скорее всего, привлек к этому делу свою «крышу». Для того чтобы выяснить, кто из московских преступных авторитетов «курирует» фирму «Гранит», Гуров и звонил своему осведомителю.

Как и у большинства других сыщиков, у Гурова были свои связи с преступным миром и своя сеть стукачей. Константин Бродкин, экс-преступник, ныне содержатель притона, неопрятный и жадный до денег человек по кличке Амбар, был одним из лучших осведомителей Гурова.

Сыщику однажды удалось завербовать Амбара, используя его патологическую жадность к деньгам.

Но Бродкин был, в общем-то, человеком неглупым. Один раз встретившись с Гуровым, он понял, что отныне с преступной деятельностью придется завязать. Иначе можно легко вновь оказаться в районе Колымы.

Правда, окончательно порвать с преступным миром Бродкин не мог. Да сыщику и не нужно было это. И Гуров позволил Амбару содержать маленький притон, где блатные играли в карты на деньги, покуривали анашу и бухали. В общем, оттягивались по полной программе. А Бродкин выуживал у них информацию и продавал ее Гурову.

Сегодня для Амбара у сыщика было очень простое поручение – узнать, кто является «крышей» «Гранита». Но Гуров не считал окончательной версией свое предположение о причастности Большакова к убийствам. Директор «Гранита» действительно мог оказаться лишь покупателем. Поэтому Бродкин должен был выяснить, кто еще начал проявлять повышенный интерес к квартирам.

– Слушаю, – раздался наконец после пятого звонка голос Бродкина в трубке.

– Ты там спишь, что ли? – с усмешкой поинтересовался у него Гуров.

– Как можно, Лев Иванович? Я всегда в боевой готовности! – В голосе Амбара слышалась явная радость. Из чего сыщик заключил, что его осведомитель сейчас на мели и потирает руки в ожидании заработка.

– А ты что это по имени меня называешь? – удивился Гуров. – Один, что ли?

У сыщика с Амбаром существовала своя система безопасности. Гуров дорожил этим осведомителем и старался сделать все, чтобы не дать преступникам разоблачить его. Именно поэтому, например, в телефонных разговорах Бродкин никогда не должен был называть ни имени, ни звания Гурова.

– Ага, – ответил на вопрос сыщика осведомитель. – Уже второй день ни одна рожа не показывается. Будто всех пересажали!

– Твоими бы устами да мед пить, – усмехнулся Гуров. – Для тебя есть работка. Жду в шесть часов в пиццерии на Чаплыгина. Без опозданий!

– Понял, – ответил Амбар, и сыщик повесил трубку.

Офис фирмы «Гранит» располагался в Хомутовском тупике, неподалеку от пиццерии, где Гуров назначил встречу Амбару. Чтобы добраться туда от главка, сыщику нужно было не больше получаса. Даже если учесть, что в такую погоду и в это время суток в центре Москвы непременно будут пробки.

Поэтому Гуров и не слишком торопился. Он неспешно спустился вниз и, несколько секунд постояв в дверях, под усилившимся дождем бегом припустил к своему «Пежо», припаркованному в глубине двора главка.

Машина завелась с полоборота, и Гуров, дав мотору слегка прогреться, вывел «Пежо» на переполненную транспортом улицу. Дежурный на воротах, узнав машину Гурова, переключил светофор перед выездом, сменив вечно моргающий желтый свет на красный. Поток машин замер, и сыщик, махнув рукой дежурному, спокойно вывел «Пежо» на проезжую часть улицы.

Со временем Гуров все-таки немного просчитался. Прямо на пересечении Покровки и Бульварного кольца произошло столкновение трех машин, намертво закупоривших проезжую часть. Пробка образовалась изрядная, и сыщику, чтобы не торчать в ней целый час, пришлось прилепить на крышу мигалку и, выбравшись на встречную полосу, объехать затор по Потаповскому переулку.

До офиса «Гранита» Гуров добрался ровно в пять. Машин в это время у тротуаров было уже немного, и проблем с парковкой не возникло. Оставив «Пежо» почти у дверей «Гранита», сыщик быстрыми шагами прошел внутрь офиса. Охрана у дверей была предупреждена о его визите и сразу проводила Гурова до кабинета Большакова.

Апартаменты директора «Гранита» нельзя было назвать шикарными. Кроме длинного Т-образного стола, окруженного мягкими стульями, в кабинете было только два шкафа, тумбочка

с телевизором в углу и пальма в кадке рядом с креслом Большакова. Директор поднялся со своего места и вышел навстречу Гурову.

– Присаживайтесь, Лев Иванович, – пригласил он, одной рукой пожимая ладонь сыщика, а другой делая широкий жест в сторону мягких стульев. – Готов ответить на любые ваши вопросы.

– Ой, так ли это? – усмехнулся Гуров и прошел к столу. – От таких заявлений, Виктор Петрович, пахнет излишней самоуверенностью.

– А мне скрывать нечего, – пожал плечами Большаков. – Я перед законом, слава богу, чист.

– Еще сплюньте, чтобы не сглазить, – фыркнул Гуров. – Ладно. Шутки в сторону. Давайте перейдем к делу. Скажите, Виктор Петрович, а зачем вы так усердно скупаете квартиры в той самой «хрущевке»?

– Вам уже и это известно? – немного удивился директор и, покачав головой, сел в свое кресло.

– А вы сей факт скрываете? – Сыщик внимательно посмотрел Большакову в глаза.

– В некотором роде, – ответил тот. – Видите ли, конъюнктура жилищного рынка представляет собой подобие лошадиных бегов...

– Не мой курятник, – перебил его Гуров и, увидев непонимание на лице директора, пояснил: – В этих делах я специалистом не являюсь. Поэтому ответьте как можно проще на два вопроса. Зачем вы скупаете эти квартиры и почему были удивлены моей осведомленностью?

– Хорошо, я постараюсь, – пожал плечами Большаков. – Этот район, где находится упомянутая вами «хрущевка», один из самых престижных в Москве. Мы планируем скупить все квартиры в доме и провести полную перепланировку, превратив его в «люкс». Как вы понимаете, цены на жилье там вырастут сразу в пять-семь раз. И мы рассчитываем на его продаже хорошо заработать. А скрываем свои намерения для того, чтобы не дать возможности конкурентам скупить часть квартир и помешать нам.

– Значит, если кто-нибудь из жильцов дома откажется продавать свою квартиру, то у вас могут возникнуть проблемы с осуществлением плана? – перебил директора Гуров. – Не так ли, Виктор Петрович?

– В принципе да, – улыбнулся Большаков. – Но такое маловероятно. Существует множество способов убеждения таких людей...

– Например, убийство, – подсказал сыщик.

Директор «Гранита» едва не подскочил в кресле.

– Лев Иванович, – довольно жестко проговорил он. – Я не позволю вам обвинять меня...

– Да вас никто и не обвиняет. – Гуров, похоже, намеренно мешал Большакову заканчивать начатые фразы. – Я просто указал на один из способов выполнения задуманного. И хочу вас сразу предостеречь. Если выяснится, что вы, Виктор Петрович, причастны к смерти этих двух человек, то я не позволю вам отвертеться. Вы получите максимально возможный срок. И тогда вам не поможет даже чистосердечное признание. Так что, если хотите покаяться, делайте это сейчас!

Гуров целенаправленно пытался вывести Большакова из равновесия. Из своего немалого опыта он знал, что разнервничавшийся человек утрачивает способность придерживаться определенной линии поведения и контролировать свои слова. В случае причастности директора «Гранита» к преступлению он непременно должен был себя выдать. Однако уловка Гурова не сработала. Большаков довольно легко взял свои эмоции под контроль.

– Лев Иванович, мы с вами взрослые люди, – почти благодушно усмехнулся он. – Не стоит бросаться необоснованными обвинениями и бессмысленными словами. А то, ей-богу, ваше поведение выглядит слишком наивным.

– Что выросло, то выросло, – ответил сыщик и встал со стула. – Я вас предупредил, об остальном думайте сами...

* * *

Генерал-лейтенант Орлов уже в пятый раз за последние двадцать минут посмотрел на часы. Посмотрел и вздохнул. Ему казалось, что стрелки никогда не доберутся до восьмерки на циферблате. Постучав подушечками пальцев по дубовой столешнице, Орлов снял трубку и в очередной раз набрал один и тот же номер. Вызываемый им абонент не ответил, и генерал, положив трубку, вновь потянулся к часам на запястье.

– Девятнадцать пятьдесят семь, – с усмешкой посмотрев на него, проговорил Крячко. И добавил: – Тридцать две... тридцать три секунды.

– Не бубни, – рявкнул на него Орлов и повернулся к майору Свиридову, скромно сидевшему в уголке: – Подожди еще пять минут. Станислав сказал, что Лева собирался заехать за Марией. А я не хочу, чтобы он сейчас оказался в театре. Будет только мешать. Я ему еще раз позвоню, и если он опять не возьмет трубку, то ждать больше не будем. Возьмешь группу экспертов и поедешь в театр.

– И все равно не пойму я, Петр Николаевич, почему мы слевой не можем взять себе это дело! – покачал головой Крячко. – Приехали бы, посмотрели, сделали бы выводы. А потом посылали бы другую группу, если возникнет необходимость.

Крячко с Орловым проработали вместе больше двух десятков лет и чаще всего в общении друг с другом были на «ты». Но позволяли они себе такое только в отсутствие посторонних. А сейчас рядом был майор Свиридов. Новый, в общем-то, в главке человек. И нарушать субординацию при нем не следовало. Хотя бы для того, чтобы не расхолаживать новичка.

– Вот именно поэтому и не поедете! – отрезал генерал. – Я не говорю, что вы недобросовестные сотрудники. Но в данной ситуации вам следует наблюдать за ситуацией со стороны. Потому что неизвестно, как все может обернуться. И вообще, молчи! Я тебя из дома вызвал не для того, чтобы ты мне тут советы давал.

Орлов отвернулся от Станислава и снова начал набирать номер сотового телефона Гурова. Крячко так и подмывало съязвить по поводу последнего высказывания генерала, но он сдержался.

А генерал уже не обращал на Крячко ровно никакого внимания. Продолжая барабанить пальцами левой руки по столу, он ждал, когда Гуров наконец ответит на звонок. В трубке уже прозвучало десять гудков, и Орлов уже собрался ее положить, когда Гуров соизволил добратсья до сотового.

– Где тебя черти носят?! – без предисловий рявкнул на него генерал. – Полчаса уже тебе трезвоню.

– Кого на этот раз убили? Посла республики Кот-д'Ивуар? – совершенно спокойным тоном в ответ поинтересовался Гуров. – Или вас, товарищ генерал-лейтенант, вызывает на прием президент, а вам некому повязать галстук по-человечески?

Орлов, конечно же, ожидал от сыщика подобной реакции, но все равно едва не поперхнулся, услышав последнюю фразу. Генерал действительно за долгие годы так и не научился завязывать галстук. Узлы у него получались какие-то кривобокие, и Гуров постоянно над этим подшучивал. Причем настолько достал своего непосредственного начальника, что Орлов начал беситься при любом упоминании этой детали туалета.

– Оставь мой галстук в покое и быстро мчись в главк! – рявкнул он в трубку, с опаской покосившись на Свиридова. Но майор продолжал сидеть с каменным лицом, и Орлов продолжил: – Где ты сейчас?

– На Большой Пироговской. Недалеко от Дарвиновского музея, – ответил Гуров. – Это имеет какое-нибудь значение?

– Чтобы через полчаса был в главке, – не ответил на вопрос сыщика Орлов и тут же повесил трубку. – Все, майор, – он уже повернулся к Свиридову, – можете ехать.

Тот поднялся со стула и, коротко кивнув, пошел к выходу.

Свиридову было чуть больше сорока лет. Почти двадцать из них он отдал службе в милиции. Звезд с неба не хватало, но считался в МУРе цепким и дотошным сыщиком. С начальством был подчеркнута вежлив и корректен, с подчиненными строг, а с сослуживцами ровен. Хотя ни с кем запанибрата не был. И, учитывая все это, когда в главке открылась вакансия, руководство МУРа долго не думало над тем, кого туда перевести. Естественно, Свиридова!

Майор был худощав и невысок. Однако выправку имел отменную и именно из-за нее всегда являлся на работу в форме в отличие от большинства сыщиков его ранга, предпочитавших гражданскую одежду.

В оперативных мероприятиях Свиридов не любил участвовать непосредственно, предпочитая проводить координацию действий подчиненных ему групп. Получалось это у него довольно неплохо. Поэтому начальство и закрывало глаза на то, что в случае с другими посчитало бы проявлением трусости, а значит, и профнепригодности. И Свиридов, не сделав ничего выдающегося, продолжал упорно подниматься вверх по служебной лестнице.

Но внешняя отчужденность и подчеркнутое равнодушие к мнению о себе как о специалисте отнюдь не говорили о том, что Свиридов лишен честолюбия.

Когда Орлов пригласил его, пожалуй, единственного сыскаря, находящегося в это время в главке, к себе в кабинет и объяснил суть дела, майор сразу решил, что это неплохой шанс проявить себя. Такого громкого дела, как убийство художественного руководителя одного из ведущих московских театров, абы кому не поручают. И следовало максимально оправдать доверие руководства.

Свиридов вышел из приемной Орлова, даже не обратив внимания на Верочку, секретаршу генерала, вынужденную в очередной раз торчать в главке допоздна. Он проследовал мимо нее, как будто это было пустое место, и вышел в коридор. Спустившись на первый этаж, майор кивком позвал за собой экспертов, ожидавших его появления у дежурного, и первым сел в милицейскую «Газель», ожидавшую их у подъезда.

Всю дорогу до театра Свиридов тщательно анализировал полученную от Орлова информацию. Собственно говоря, ее было немного, но для составления первоначального плана действий вполне хватало.

Левицкий был застрелен из пистолета. Около сорока минут назад его нашла уборщица, поднимавшаяся на административный этаж театра для того, чтобы навести в кабинетах руководства порядок. И, найдя Левицкого, тут же позвонила в милицию.

Приехав на место происшествия, наряд констатировал смерть и вызвал следственную группу. Старший наряда, связываясь с начальством, поинтересовался, не прекратить ли спектакль, шедший в этот момент в театре. И, получив отказ, успокоился. Выставив своего человека на служебном входе, он приготовился ждать.

Вот, собственно, и вся информация, которую имел на этот момент Свиридов. Майор понимал, что если убийца не покинул театр сразу после совершения преступления, то постарается сделать это сразу после спектакля. Поэтому связался со старшим наряда по рации и приказал ему заблокировать и парадный вход в театр.

Свиридов осознавал, какой переполох может вызвать эта мера среди зрителей, но все же сознательно пошел на нее. Майор хотел избежать нареканий в свой адрес на случай, если убийца скроется из театра. К тому же он планировал получить паспортные данные всех зрителей, присутствующих на спектакле.

Едва микроавтобус с экспертами остановился возле служебной двери театра, как на улицу, под непрекращающийся дождь, выскочил милиционер, ожидавший их приезда. Он торопливо провел специалистов наверх, где у дверей кабинета убитого худрука уже собралась довольно солидная толпа служащих театра, не занятых в спектакле. По приказу старшего наряда милиции их оттеснили в сторону, и Свиридов первым вошел в кабинет.

Левицкий лежал прямо посреди комнаты. Толстый зеленый ворсистый ковер, устилавший пол в кабинете, почти полностью впитал в себя кровь, вытекшую из трех огнестрельных ран в груди убитого. Револьвер системы «наган», из которого, видимо, и стреляли в Левицкого, валялся чуть поодаль, ближе к выходу. Свиридов с удивлением посмотрел на него, будто не ожидал увидеть такое старое оружие в действии, и, обернувшись к двери, разрешил экспертам начать работу.

– Я сразу понял, что стрелял в этого мужика непрофессионал, – проговорил старший наряда, вырастая рядом с майором словно из-под земли. – И ствол рухлядь, да и дыры все в груди. Даже контрольного не сделано.

– Сержант, когда мне понадобится ваше мнение, я вас приглашу, – жестко проговорил Свиридов. – А сейчас покиньте, пожалуйста, кабинет. Вы и так тут уже сильно натоптали.

Майор кивнул в сторону ошметков грязи, в точности соответствующих протекторам подошв милицмейских башмаков. Сержант покачал головой и, почесав в затылке, попятился в коридор.

– Да, и не забудьте прийти сюда сами и прислать своих людей, когда эксперты закончат работу, – приказал ему Свиридов. – Нужно будет снять отпечаточки с ваших ботиночек. Чтобы потом не спутать их со следами преступника!

– А на парадном входе человека оставить? – кивнув головой, поинтересовался сержант. – Спектакль через час заканчивается. Люди будут выходить и поднимут шум...

– Пошумят и перестанут, – отмахнулся от него майор. – А теперь идите. Когда вы потребуетесь, вас позовут.

Сержант вздохнул и исчез из поля зрения Свиридова. А майор еще раз внимательно посмотрел вокруг и, удовлетворенно кивнув, вышел в коридор. Несколько секунд он постоял молча, вглядываясь в лица служащих театра, собравшихся рядом с кабинетом, а затем спросил:

– Есть тут кто-нибудь из начальства? Директор, зам или еще кто-нибудь?

– Есть, – ответил ему поджарый высокий мужчина, выходя из толпы. – Позвольте представиться. Владимир Владимирович Воронцов. Я директор этого театра.

– Прекрасно, – кивнул Свиридов. – В первую очередь покажите мне помещение, где я могу побеседовать с людьми. А затем составьте мне список всех ваших подчиненных, присутствовавших в театре сегодня вечером.

– С какого именно часа? – поинтересовался Воронцов. – У нас, видите ли, люди приходят и уходят...

– Когда последний раз видели в живых убитого Левицкого? – перебил объяснения директора майор.

– Наверное, часа полтора назад, – пожал плечами Воронцов. – Но я не думаю, что можно точно установить...

– А вы не думайте, – вновь оборвал его Свиридов. – Просто составьте список за последние два часа и найдите заодно полное штатное расписание, или как оно у вас там называется. Так, в каком кабинете я могу поговорить с людьми?

– Ларочка, отведите товарища майора в мой кабинет. – Директор обернулся к молодой девушке, нервно теребившей в руках носовой платок. – И сделайте все, чтобы ему там было удобно.

– Спасибо, последнего не нужно, – отмахнулся Свиридов и повернулся к группе служащих театра: – Кто из вас обнаружил труп?

– Я. – Довольно толстая пожилая женщина в синем халате сделала по-солдатски шаг вперед.

– Вы будете первая, – кивнул майор. – Затем пусть ко мне пришлют охранника, дежурившего на первом этаже. После него могут заходить остальные. Опрашивать буду всех. Поэтому попрошу вести себя дисциплинированно и не заставлять меня бегать по театру со списком в поисках того или иного лица.

– А актеров прямо со сцены приглашать? – иронично поинтересовался мужчина, почти не уступавший в росте Воронцову. Свиридов удивленно посмотрел на него.

– Нет, актеров буду допрашивать после спектакля, – ответил майор. – А вы, собственно, кто такой будете?

– Заместитель директора. Бельцев Игорь Станиславович, – представился мужчина. – К вашим услугам.

– Вот и хорошо, – холодно улыбнулся ему Свиридов. – Вы и будете отвечать за то, чтобы все актеры после спектакля непременно попали ко мне.

Майор резко развернулся и, больше не обращая ни на кого внимания, пошел следом за Ларочкой в кабинет директора. Уборщица, беспомощно посмотрев по сторонам, засеменила за ним. Остальные остались в коридоре. И лишь один Бельцев спустился вниз.

– Вы давно работаете в театре? – поинтересовался Свиридов у уборщицы, усаживаясь в кресло директора. – Как вас зовут?

– Тетя Маша, – немного растерянно ответила женщина и тут же поправилась: – Мария Ивановна. А в театре я, почитай, пятнадцать лет. Еще хорошо помню, как у нас Андрюша Мионов, покойный, иногда играл...

– Воспоминания, конечно, вещь приятная, но давайте, Мария Ивановна, перейдем к более насущным проблемам, – оборвал ее Свиридов. – Левицкий давно работает в этом театре?

– Нет. Только первый сезон, – отрицательно покачала головой старушка. – Он даже освоиться толком не успел. Оттого и глупости делал...

– Какие? – Майор вопросительно вскинул на нее глаза.

– Известно какие, – хмыкнула уборщица. – Ругался с кем не надо. Да порядки свои пытался завести.

– Как я посмотрю, вам Левицкого совсем не жалко? – Свиридов склонил голову набок.

– А за что же его жалеть-то? – удивилась уборщица. – Нет, конечно, это нехорошо людей убивать вот так. Но раз уж его все-таки убили, то он сам в этом виноват. О мертвых, конечно, плохо не говорят, но я хорошего о нем сказать ничего не могу. Левицкий меня, например, по три раза заставлял в кабинете шкафы перетирать!

– Строгий, значит, был человек, – хмыкнул майор. – А как к нему остальные относились?

– Да хреново относились, прости господи меня, грешную! – ответила Мария Ивановна. – Он же всем напакостить успел. Я-то сама не в курсе, но люди говорят, что Левицкий Игоря Станиславовича от работы над пьесой отстранил, директору чем-то грозился и, вы не поверите, Мариюшку Строеву хотел в постель затащить! А когда она ему отказала, то оскорблял ее по-всякому. До того довел, что Машенька его застрелить грозилась. Ой, батюшки! Что я говорю?!

Старуха в испуге зажала ладонью рот, уставившись широко открытыми глазами в лицо майора. Свиридов прекрасно знал, кто такая Строева, и от слов старухи вдруг почувствовал себя золотоискателем, неожиданно напавшим на самое богатое в мире месторождение. Майору стоило огромных усилий, чтобы не выказать при уборщице своих эмоций.

– Вот как? – хмыкнул он. – А больше никто не собирался Левицкого пристрелить, как вы выразились?

– Да вы не так меня поняли! – затараторила старуха. – Машенька, она же и мухи не обидит. Просто, когда злится, иногда бывает несдержанна и глупости всякие говорит. Не могла она Левицкого убить.

– А я вас не спрашиваю о том, кто мог его убить, – прервал словоизлияния уборщицы Свиридов. – Меня интересуют те отношения, которые были между покойным Левицким и работниками театра. Что вы еще мне можете по этому поводу сказать?

– Да чего говорить-то? – пожала плечами женщина, потеряв интерес к разговору. – Многие худрука не любили. Актеры, конечно, народ странный и психованный, но убивать Левицкого никто бы не стал...

– Но все-таки убили, – развел руками майор и хотел что-то добавить еще, но в этот момент в дверь кабинета постучали.

Свиридов поморщился и громким голосом ответил, что можно войти. На пороге тут же появился один из экспертов. Он выглядел очень довольным и сказал, что есть кое-какая вещь, на которую майор должен срочно посмотреть. Свиридов пожал плечами и, отпустив уборщицу, подозвал к столу эксперта.

Тот сразу выложил перед майором полиэтиленовый прозрачный пакет. Внутри пакета лежала небольшая перламутровая пуговица, находившаяся некогда явно на женском платье. Несколько секунд майор рассматривал ее, а затем спросил у эксперта:

– Надо полагать, вы нашли ее рядом с трупом?

– Более того, Максим Эдуардович, – самодовольно усмехнулся тот. – Прямо у него в кулаке!

– Вот даже как? – Свиридов покачал головой. – А теперь проверим, насколько хороша у меня интуиция. Я не видел Строеву наверху. Видимо, она сейчас занята в спектакле. Так будьте добры, спуститесь вниз и посмотрите, есть ли на ее сценическом костюме такие пуговицы.

– У кого посмотреть? – Эксперт удивленно уставился на майора.

– Вы меня прекрасно поняли, – недовольно поморщился Свиридов. – Идите вниз и проверьте, все ли пуговицы на костюме Строевой находятся на своих местах!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

– А я сказал, ты будешь сидеть здесь! – заорал Орлов и с силой стукнул кулаком по столу.

Стаканчик с разноцветными карандашами, что стоял почти на самом краю, от удара подпрыгнул и опрокинулся. Его содержимое раскатилось по столешнице, и часть карандашей посыпалась на пол. Генерал, кряхтя, нагнулся и начал их собирать. Гуров и Крячко не пошевелились.

Станислав последние пятнадцать минут с удивлением наблюдал за происходящим. Орлов и Гуров не раз ругались друг с другом при нем. Обычно конфликты между ними были вызваны разными подходами к расследованию того или иного дела. И победителем в этих спорах почти всегда оказывался полковник.

Но сегодня был совершенно иной случай. Гуров, едва приехав в главк, уже откуда-то успел узнать, что в театре, где служила его жена, произошло убийство. Он вломился в кабинет Орлова и потребовал от генерала дать ему группу экспертов и отправить на место происшествия. Но Орлов отказал.

Усадив сыщика за стол, генерал объяснил ему, что делом уже занимается майор Свиридов. Гурову расследование генерал поручить не может. Поскольку любой прокурор может обвинить его в пристрастности и потребовать пересмотра дела, вдобавок обвинив Орлова в нарушении должностных инструкций. Гуров заявил, что ему наплевать на всех прокуроров. И поскольку дело касается в том числе и его жены, он не позволит никому вести расследование.

Орлов остался непреклонен. Совершенно неожиданно для Станислава он проявил твердость и не позволил Гурову уйти из кабинета. Последний рык был особенно впечатляющ. Поскольку после этого даже Гуров не нашелся что ответить.

– В конце концов, Лева, ты ведешь себя как институтская истеричка, – уже более ровным тоном заметил генерал, выбираясь из-под стола с несколькими карандашами, зажатыми в кулаке. – С чего ты решил, что убийство Левицкого касается Марии?

– Петр, не задавай идиотских вопросов, – возмутился сыщик. – Смерть художественного руководителя будет касаться любого работника театра. И под подозрением окажутся все, кто находился в тот момент поблизости.

– А откуда ты узнал, кого именно убили? – невинным голосом поинтересовался Орлов.

– Петр, ты, не практикуясь, совсем навыки потерял, – усмехнулся Гуров. – Пытаешься вести допрос, а делать это разучился. На чем ты пытаешься меня подловить? Считаешь, что это я прикончил Левицкого из-за его придинок к Марии?

– Так, значит, он придирался к твоей жене? – Орлов удивленно вскинул брови.

Гуров уже открыл рот. Но прежде чем он успел что-либо ответить, в разговор вмешался Станислав. Он резко вскочил со стула, почти отшвырнув его от себя, и встал так, чтобы и генерал и Гуров отлично видели его.

– Вот что, мужики, кончайте эти идиотские препирательства! – завопил он, ткнув указательными пальцами в сторону обоих офицеров. – Давайте сначала расставим все точки над "i". Иначе вы таким образом хрен знает до чего договоритесь!

– Не разбегайся, прыгай, – пожал плечами Гуров после небольшой паузы. – О каких точках ты говорил?

Станислав выдернул стул из-за стола и уселся поодаль от сыщика и генерала. Но сел так, чтобы держать в поле зрения их обоих. Несколько секунд он пристально смотрел на друзей, а затем покачал головой.

– Начнем с того, что нам ничего об убийстве не известно. Мы знаем только, кто и где застрелен, – начал он. – И прежде чем грызть друг другу глотки, давайте, по крайней мере, подождем возвращения Свиридова и узнаем, что ему удалось нарыть.

– Стас, никто не грызет друг другу плетки, – усмехнувшись, перебил его Гуров. – Просто мы с товарищем генерал-лейтенантом содержательно беседуем. Не больше!

– Лева, ты можешь хоть раз в жизни до конца меня выслушать? – поинтересовался Крячко и, дождавшись, пока Гуров утвердительно кивнет, продолжил: – Я прекрасно понимаю, что ты беспокоишься о тех неудобствах, которые может причинить ей Свиридов. Но она не подозреваемая и даже, может быть, свидетелем не окажется. Не стоит за нее волноваться, как за дочь, отправляющуюся в первый раз на свидание. И Петр тут совершенно прав. Нам стоит дождаться возвращения Свиридова, прежде чем что-то предпринимать. Если наше вмешательство вообще потребуется!

Орлов во время всей этой речи Станислава удовлетворенно покачивал головой. С его лица не сходила довольная улыбка, говорившая о том, что генерал рад благоразумию Станислава. Но когда тот повернулся к нему, выражение лица Орлова мгновенно изменилось.

– И ты тоже, Петр, хорош гусь! – рывкнул на него Крячко. – На хрена тебе понадобилось задавать эти идиотские вопросы? «Почему ты считаешь, что убийство касается Марии? Откуда ты узнал, кого именно убили?» – скривившись, передразнил генерала Станислав. – Решил слевой в кошки-мышки поиграть? Молодость в заднице заиграла?

– Но-но, ты полегче с выражениями, – буркнул генерал, стирая с лица улыбку. – Я все-таки твой начальник...

– Вспомнил? Слава тебе господи! – Крячко наигранно закатил глаза. – Вот тогда и веди себя корректно. И вместо необоснованных подозрений помоги Лева успокоиться.

Гуров усмехнулся. Станислав в очередной раз разыграл представление как по писаному. Правда, сейчас все его жесты и ужимки загубленного актерского таланта оказались как нельзя кстати. И действительно помогли обоим спорщикам успокоиться и взять себя в руки.

Сыщик подумал, что и вправду перегнул палку, позволив эмоциям выплеснуться наружу. Он на самом деле сильно волновался за Марию. И в первую очередь из-за того, что вместо Гурова ее будет допрашивать незнакомый мент, может быть, относящийся к ней предвзято. Как к жене конкурента за теплое место под солнцем главка.

Гуров откинулся на спинку стула и, стрельнув у Станислава сигарету, закурил. И в этот раз Крячко даже не попенял ему на то, что он никак не научится держать при себе сигареты.

Курил сыщик очень редко. Сигарета требовалась ему лишь тогда, когда ситуация становилась экстремальной и Гурову казалось, что происходящие события выходят из-под контроля. Сыщик знал, что вопреки бытующему мнению никотин практически не оказывает никакого успокаивающего действия на нервную систему. И производимый курением эффект не больше чем самовнушение. Но все равно, когда нервничал, отказаться от сигареты не мог.

Орлову, который был старше сыщика более чем на десяток лет, приходилось всерьез думать о своем здоровье. Те, кто помнил генерала в молодости, считали его самым заядлым в сыске курильщиком. Но теперь Орлов вместо сигарет исправно сосал карамельки и леденцы. В столе у него всегда лежала коробочка с монпансье, и генерал, посмотрев на Гурова, запустил туда руку.

Так они и просидели молча – Гуров с Крячко дымили, а генерал исправно поглощал леденцы – до тех пор, пока измученная Верочка не доложила о прибытии майора Свиридова. Орлов, только услышав ее голос, хватился, что до сих пор держит на работе секретаршу, и, постучав себя пальцем по лбу, отпустил ее домой. Чем несказанно ее обрадовал.

Свиридов, переступив через порог кабинета, на мгновение замер, удивленно посмотрев на Гурова и Крячко. Майор никак не рассчитывал, что при его докладе генералу будут присутствовать эти два человека, и немного растерялся.

– Докладывай, – скомандовал тем временем Орлов и указал Свиридову на стул напротив полковника. – Что там произошло?

– Товарищ генерал-лейтенант, – начал было майор, но Орлов оборвал его.

– Вот только давай обойдемся без званий, – помахал он пальцем. – Ты мое имя-отчество знаешь. Вот и вперед!

– Петр Николаевич, – проговорил Свиридов, опускаясь на предложенное ему место. – Информация, полученная мной, несколько щепетильна. И я не уверен, что товарищу полковнику следует присутствовать при докладе.

– А ты не думай, – приказал ему Орлов. – Просто рассказывай, что удалось выяснить. Думать за тебя здесь буду я. Понятно?

– Как прикажете, Петр Николаевич, – пожал плечами майор. – Но я буду вынужден отразить этот факт в моем официальном отчете.

– Ого! – удивленно присвистнул Крячко. – Я смотрю, наш петушок расправляет крылья и машет хохолком?! Смотри, как бы тебя не перепутали с фазаном и не подстрелили.

– Вы напрасно иронизируете, – отрезал майор, поворачиваясь к Станиславу. – Когда вы услышите, о чем собираюсь доложить, то поймете, что я был абсолютно прав.

– Отставить дискуссии! – рявкнул на обоих Орлов. – Тут вам не какая-нибудь дума, а государственное учреждение.

Крячко прыснул в кулак, но от комментариев по поводу немного странного высказывания генерала все-таки воздержался.

– Докладывайте, майор, – приказал генерал. – А в официальном рапорте можете указывать все, что вам угодно!

– Слушаюсь, Петр Николаевич, – кивнул Свиридов. – После получения в двадцать ноль три от вас приказа выехать на место происшествия в театр...

– Стоп-стоп-стоп! – замахал на него руками генерал. – Теперь все сначала. Только человеческим языком. Мне и на бумаге такие формулировки читать трудно, а уж на слух их воспринимать и вовсе голова закипает. Давай-ка, Максим Эдуардович, попроще!

Свиридов прокашлялся и начал свой рассказ менее официальным тоном и без упоминания времени совершения каждого поступка. Все трое внимательно слушали его и не перебивали до тех пор, пока майор не заговорил о Строевой.

– Так, значит, вы, майор, на основании театральных сплетен делаете какие-то серьезные выводы? – взвился с места Гуров. – А что-нибудь поумнее вы могли придумать?

– Сядь, Лева. И помолчи! – осадил его генерал.

Сыщик, усмехнувшись, посмотрел на него.

– Ладно. Не буду размахивать шашкой, мы еще поборемся, – сказал Гуров и опустился на стул. А майор продолжал докладывать.

Собственно говоря, показания уборщицы подтвердили почти все допрашиваемые. Они почти в один голос утверждали, что Левицкий в театре, мягко говоря, не пользовался популярностью. Но причины ненавидеть его были только у Строевой.

Большинство работников театра слышали о конфликтной ситуации, возникшей между известной актрисой и художественным руководителем театра. Многие подтвердили, что Левицкий позволял в адрес Марии нелицеприятные высказывания. И, более того, кое-кто утверждал, что художественный руководитель проявлял по отношению к ней сексуальные домогательства.

– Вранье! – вновь перебил Свиридова сыщик. – Мария мне рассказала бы об этом, если бы факты домогательства действительно имели место.

– Да замолчи ты. Или я тебя сейчас отсюда выгоню! – Генерал шлепнул ладонью по столу и покосился на стаканчик. А потом добавил уже спокойнее: – Лева, ты не хуже меня знаешь, что жены далеко не обо всем рассказывают мужьям. Ты просто дай майору закончить. А потом будем обсуждать проблему.

– Вот видите, почему я не хотел докладывать при полковнике Гурове, – развел руками Свиридов и наварлся на испепеляющий взгляд генерала.

– Позвольте мне самому решать этот вопрос, – отрезал Орлов. – Продолжайте доклад.

Свиридов несколько секунд помедлил. Он раздумывал, говорить ли о пуговице сразу или оставить это на десерт своей речи. И все же выбрал последнее. Прокашлявшись, майор рассказал об угрозах Строевой в адрес Левицкого, которые слышали многие работники театра. При этом Свиридов заметил, что прекрасно понимает, почему Мария так себя вела. Дескать, после всех оскорблений в ее адрес со стороны худрука иначе относиться к нему ни одна нормальная женщина и не могла бы.

Гуров слегка поморщился при попытке майора подсластить пилюлю. Работа научила сыщика быть неплохим психологом, и он понимал, что Свиридов выложил на стол далеко не все козыри. Майор держал какого-то джокера в рукаве, и Гуров ждал, когда же тот его выложит.

А Свиридов тем временем поведал, что, по предварительному заключению эксперта, убийство Левицкого произошло в начале третьего акта пьесы Булгакова «Белая гвардия», которая шла на сцене в этот вечер.

Мария, игравшая роль Елены Тальберг, как раз в этом акте была не задействована и отдыхала у себя в гримерной. И, по показаниям трех человек – уборщицы, заместителя директора Бельцева и артиста театра Артема Игнатьева, – почти в одно время с моментом убийства Строеву видели около лестницы, ведущей на второй этаж, к кабинету Левицкого. Правда, охранник, дежуривший у черного входа, в поле зрения которого была эта лестница, почему-то Строеву не заметил.

– А вот это – единственный человек, который говорит правду! – вновь не удержался Гуров. – Все прекрасно знают, что Мария ни перед спектаклем, ни в антрактах не выходит из своей гримерной. Она настраивается на роль и никому не позволяет тревожить ее. Даже мне такое не разрешается. Мария просто так устроена, и по-другому она не может. Именно поэтому она никуда из гримерной не выходила. И потому ее не видел охранник...

– А что вы скажете о пуговице в руке Левицкого? – Майор оскалился и бросил на стол перед Гуровым полиэтиленовый пакетик с перламутровой пуговкой.

– Что это такое? – вместо сыщика спросил Орлов.

– Пуговица от сценического костюма Строевой, – усмехнулся Свиридов. – Именно ее не хватало на платье актрисы. И именно эта пуговица была в кулаке у убитого Левицкого.

– А что сама Строева говорит по этому поводу? – очень медленно спросил генерал.

– Она утверждает, что обнаружила пропажу прямо перед выходом на сцену, – ответил майор. – Вторую такую же пуговицу найти не успели, и Строевой пришлось играть без нее. А то, как этот предмет оказался в руках Левицкого, она объяснить не смогла! Мы еще не успели сделать дактилоскопическую экспертизу отпечатков пальцев на пистолете, но, думаю, тут и так все ясно...

– На вашем месте я бы не стал делать таких поспешных выводов, майор, – в упор посмотрев на него, проговорил Гуров. – Можно допустить бо-ольшую ошибку.

– А вы сейчас и не на моем месте, товарищ полковник, – выдержал его взгляд Свиридов и повернулся к генералу: – Петр Николаевич, я взял на себя смелость привезти Строеву и еще нескольких людей в главк для более тщательного снятия свидетельских показаний.

– Что-о?! – взревел Гуров, вскакивая с места. – Да какое ты имел право?

– Сядь, Лева, – осадил его Орлов, и сыщик, беспомощно посмотрев на него, опустился на стул.

– Мне нужно срочно поговорить с ней, – заявил сыщик. – И не советую вам мне мешать!

– Думаю, это невозможно, – усмехнулся Свиридов. – Я считаю, что...

– Заткнись! – теперь Орлов рявкнул и на него, и у майора от удивления глаза полезли на лоб. Но генерал не обратил на это никакого внимания.

– У тебя есть десять минут, Лева, – проговорил он и, глядя в спину удаляющегося сыщика, добавил, обращаясь к оставшимся: – Всем оставаться на месте. Свиридов продолжает доклад. Крячко воздерживается от комментариев!

* * *

Гуров был просто в бешенстве. Какой-то прыщ в погонах позволил себе арестовать не кого-нибудь, а его жену. Конечно, Свиридов придал происходящему более обтекаемую формулировку. Но в его устах «снятие свидетельских показаний» прозвучало точно так же, как «получение признания». Для Гурова было совершенно очевидно, что майор не сомневается в причастности Марии к убийству Левицкого.

Еще не дойдя до двери, Гуров с трудом смог взять эмоции под контроль и придать лицу спокойное, даже безмятежное выражение. Было совершенно ясно, что Свиридов доставил в приемную генерала людей из театра, дабы блеснуть перед Орловым своими способностями получать признания.

И сыщик не ошибся. Мария, ее подруга Светлана Турчинская и еще несколько человек располагались на стульях в приемной под бдительным оком двух милиционеров. Выйдя из кабинета Орлова, Гуров кивком поздоровался со всеми и подошел к жене, поднявшейся ему навстречу.

– Лева, это черт знает что такое, – проговорила Мария, внимательно посмотрев мужу в глаза. – Что за чушь молот этот младший лейтенант?

– Не лейтенант, а майор, – поправил жену Гуров, стараясь улыбаться как можно естественней.

– Да какая разница! – отмахнулась от него Строева. – Все равно он врет как сивый мерин.

– Сейчас мы все это с тобой обсудим. – Сыщик взял жену под руку. – Пойдем в мой кабинет...

– Товарищ полковник, – остановил его один из милиционеров. – Товарищ майор дал распоряжение никуда не выпускать задержанных.

– Получи у товарища майора это распоряжение в письменном виде, – еле сдерживаясь, проговорил Гуров, но все же не устоял: – И вытри им свою задницу!

Кто-то из присутствующих в приемной работников театра прыснул в кулак, но сыщик не обратил на это никакого внимания. Одним легким движением он отстранил сержанта и, поймав на себе изумленный взгляд жены, повел ее к выходу. За дверями приемной Мария попыталась что-то сказать, но Гуров удержал ее, отрицательно покачав головой. А когда они переступили порог кабинета, сыщик уже не сдержался и разразился целым потоком брани.

– Ого, а ты не хуже меня умеешь материться, – усмехнулась Мария, присаживаясь на стул. – О чем изволите со мной побеседовать, господин сыщик?

– Мария, будь немного посерьезней. – Гуров положил ей руки на плечи и заглянул в лицо. – Положение достаточно щепетильное. И таким его делает эта проклятая пуговица. Как она могла оказаться в руках Левицкого?

– Откуда я знаю, Лева? Я уже говорила этому Свиридову, что она пропала прямо перед началом спектакля, – проговорила Мария и вдруг зябко поежилась. – Да что за ерунда такая?! Лева, где тут у вас туалет? За последние два с половиной часа уже третий раз туда бегаю. На нервной почве так приспичило, что ли?

– Идем провожу, – покачал головой сыщик и приоткрыл дверь кабинета. – Сама ты тут только заблудишься.

Мария вышла следом за мужем. И пока они не вернулись обратно в кабинет Гурова, не было сказано ни слова. А когда Строева вновь уселась на стул, сыщик спросил:

– Как тебя могли увидеть в коридоре?

– Я же тебе говорю, что третий раз в туалет бегаю, – хмыкнула Мария. – Вот когда первый раз из него возвращалась, то и столкнулась в коридоре с Марией Ивановной. Нашей уборщицей.

– Ладно, – махнул рукой Гуров. – Вернемся назад. Кто-нибудь видел, что у твоего платья пуговица была уже перед началом спектакля оторвана?

– Вряд ли, – покачала головой Строева. – Можно было бы предположить, что ее утрату заметили те, с кем я играла в первых двух актах. Но там одни мужики. А они на пропажу одной маленькой пуговицы из тридцати восьми вряд ли обратили внимание.

– Это плохо, но все равно стоит попробовать, – вздохнул сыщик. – Если не получится, то наше положение будет очень серьезным. Остается надеяться, что твоих пальчиков не найдут на пистолете.

– Лева, скажи честно, все очень плохо? – Пожалуй, впервые за вечер Строева выглядела по-настоящему испуганной. – Он действительно собирается обвинить меня в убийстве?

– Да, – выдавил из себя Гуров. – Но я постараюсь сделать все, чтобы этого не случилось. А теперь пойдем. Свиридов должен будет задать тебе несколько вопросов, но ты можешь не бояться. На этот раз я буду рядом!..

* * *

Орлов будто специально ждал возвращения полковника, не позволяя Свиридову начать допрос свидетелей. И, как только Гуров переступил порог его кабинета, тут же попросил майора начинать.

Обычно Орлов никогда не вмешивался в следственные действия. Сам проработав долгое время опером, он понимал, как часто подобное вмешательство раздражает сыщиков и отрицательно сказывается на их работе. Но сегодня был особый случай. В этом деле непосредственно затрагивались честь и интересы его друга и лучшего сыскаря Москвы полковника Гурова. И наблюдать за развитием событий со стороны генерал просто не мог.

Проводив озабоченным взглядом полковника, Орлов сосредоточил все внимание на первом свидетеле, приглашенном Свиридовым. И генерал настолько хотел побыстрее покончить со всем этим, что даже закрыл глаза на явное нарушение процедуры снятия показаний майором, державшим всех свидетелей в одном месте.

Первой Свиридов допросил старушку уборщицу. Ничего нового к своим словам в театре она добавить не смогла. Единственным изменением в ее показаниях было то, что Мария Ивановна настоятельно подчеркивала, что сама никогда не слышала от Строевой плохих слов в адрес Левицкого и узнала об их ссоре из разговоров других людей.

Каких именно, старушка уточнить не смогла, отделившись фразой о том, что об отношениях худрука и актрисы «все говорили». А единственными, кого она назвала по имени, были заместитель директора и лучшая подруга Строевой.

– Так вы утверждаете, что видели, как приблизительно сразу после убийства Мария спускалась со второго этажа? – встрял в допрос Гуров. Свиридов поморщился, но ничего не сказал. – В котором часу это было?

– Да не смотрела я на часы, Лев Иванович! – всплеснула руками старушка. – Знаю, что на сцене как раз третий акт «Белой гвардии» шел. Да и не видела я, что Машенька спускалась сверху. Говорю же, что она просто рядом с лестницей была. А откуда она шла, я и понятия не имею!

Больше старушка ничего не смогла существенного добавить. Следом за ней майор принялся вызывать остальных. Но и они ни одной серьезной улики против Марии не привели. Молодой актер Артем Игнатьев сказал, что, заходя в свою гримерную, заметил Строеву в про-

тивоположном конце коридора, рядом с лестницей на второй этаж. Светлана Турчинская подтвердила, что слышала от Марии, что была готова убить Левицкого.

– Но если бы этот похотливый козел и меня назвал «ментовской подстилкой», я бы тоже пообещала его убить! – заявила она под конец. – Он слишком много себе позволял.

– Например? – поинтересовался Орлов.

– Да он же приставал к ней на каждом углу, – фыркнула Турчинская. – Старый похотливый сукин сын!

– А вы сами это видели? – вновь вмешался в допрос Гуров.

– Нет, Лев Иванович. Что вы! – глубоко вздохнула Светлана. – Если бы видела, то сама бы морду набила. И пусть бы он меня попробовал из театра выгнать. Я бы его с дерьмом тогда сожрала. Не знаю, почему Мария все это сносила?!

– Тогда откуда вы знаете, что Левицкий к ней приставал? – усмехнулся Гуров. – Только не нужно утверждать, что все об этом говорят!

– А я и не собираюсь, – фыркнула Турчинская. – Мне Игорь Станиславович Бельцев говорил. Он, кстати, слышал, как Левицкий Марию, извините, «ментовской подстилкой» называл. Можете сами у него спросить...

Дальше все снова пошло как по накатанной колее. Люди, которых опрашивал Свиридов, утверждали, что сами ничего не видели, но все были в курсе того, что Левицкий проявлял в отношении Марии сексуальные домогательства, а Строева в отместку грозила убить его. И в качестве источников этой информации чаще всего назывались имена Бельцева и Турчинской.

Последним, перед Строевой, в кабинет пригласили как раз заместителя директора. Бельцев выглядел немного раздосадованным тем, что его допрашивали позже всех работников театра. Видимо, поэтому он отвечал на вопросы довольно резко, но предельно кратко и оказался практически единственным, кто не говорил о слухах, а называл реальные факты.

– Единственным, что я могу утверждать наверняка, – закончил свою речь Бельцев, – является то, что после окончания второго акта Левицкий хотел видеть Строеву у себя в кабинете. Он сам просил меня сообщить ей об этом. И я предупредил его о том, чтобы он воздержался от некорректных поступков...

– Так почему же вы сразу мне об этом не сказали? – возмутился Свиридов, а Гуров помрачнел.

– Простите, товарищ майор. Просто вылетело из головы, – развел руками замдиректора. – Я сам, зная взрывной характер Марии, не рискнул идти к Строевой в гримерную и попросил Турчинскую передать распоряжение Левицкого ее подруге. К сожалению, не знаю, выполнила она его или нет.

– Мы сами выясним это, – усмехнулся майор. – Можете быть свободны, Игорь Станиславович. И позовите сюда, пожалуйста, Турчинскую!

Светлана, вернувшись в кабинет, сначала возмутилась тому, что ее «уже второй раз выдергивают из кресла». А затем в ответ на вопрос Свиридова о том, передала ли она Строевой просьбу Левицкого пройти к нему в кабинет, ответила:

– Конечно, передала. А Мария послала подальше меня, Бельцева и Левицкого, вместе взятых, и захлопнула дверь перед самым моим носом. А я бы на ее месте еще бы мне и в морду дала за такие просьбы. Нашел, тоже мне, девочку на побегушках.

– А почему вы не сказали мне об этом инциденте? – строго спросил Турчинскую майор.

– А не посчитала нужным, – с вызовом ответила ему женщина. – Мария все равно туда не пошла. А раз она наверх не поднималась, то и не убивала никого. И я считаю вопрос исчерпанным.

– Позвольте нам самим это решать, – жестко проговорил Свиридов и отпустил Светлану. – Можете идти, гражданка Турчинская!

Отпустив ее, майор уже собрался вызвать Марию, но Гуров остановил его.

– Подождите минуточку, майор. Прежде чем вы приступите к допросу единственной на данный момент подозреваемой, я хочу, чтобы мы подвели кое-какие итоги, – проговорил сыщик и, встав со своего места, принялся расхаживать по комнате из угла в угол, как это делал всегда во время размышлений.

– Во-первых, насколько я понимаю, единственным существующим сейчас мотивом совершения преступления являются сексуальные домогательства со стороны Левицкого в отношении Марии, – проговорил он. – Но их можно отнести лишь к области сплетен. Поскольку прилюдно своих притязаний Левицкий не проявлял, а Мария никогда не подтвердит того, что эти домогательства имели место.

Закончив эту фразу, сыщик даже не остановился. Он продолжал расхаживать по кабинету, и Орлов, у которого от этих мельканий кружилась голова, закрыл глаза. Гуров не обратил на реакцию шефа никакого внимания и продолжал:

– Во-вторых, никто непосредственно не видел Марию ни около кабинета художника, ни даже спускающейся по лестнице со второго этажа. – Сыщик бросил мимолетный взгляд на Свиридова, но тот сидел неподвижно, даже не пытаясь ничего возразить. – Строеву видели около лестницы. А там, между прочим, находится дамская уборная. И мне Мария сказала, что в начале третьего акта именно туда она и ходила. Так что ни один ваш свидетель не поручится, что Мария выходила не из уборной, а с лестницы второго этажа.

– Лева, если ты использовал мое разрешение пообщаться с женой только для того, чтобы подсказать ей линию поведения, – начал было говорить генерал, но Гуров оборвал его. И в этот момент сыщик меньше всего думал о субординации.

– Петр, я не адвокат, чтобы объяснять невинному человеку, как ему защититься от следствия, – махнул рукой Гуров. – Из всего вашего обвинения остается только пуговка в кулаке трупа. Согласен. Это улика, перевешивающая все остальные. Но если кто-то хотел подставить Марию, то он не хуже нас это знал. А срезать пуговку с платья, висящего в шкафу, проще простого. Вы ее, кстати, тоже на экспертизу по отпечаточкам отдайте. Может, и обнаружите что-нибудь интересное.

– Лева, Марию пока никто в убийстве не обвиняет, – устало проговорил генерал, потирая виски. – Мы сейчас все вместе просто пытаемся выяснить все обстоятельства дела.

– Вот оно как? Следственно-экспертная группа? – усмехнулся Станислав, молчавший до сих пор. – Мы, значит, тут экспериментики будем ставить, а о живом человеке кто-нибудь подумал? Даже ты, Лева, рассуждаешь о Марии как о посторонней. А каково ей сейчас сидеть там и ждать, пока вчерашние друзья решают, сжечь ее на костре или нет?! Я уже наслушался достаточно. И в этом садистском шоу участия принимать не желаю. Счастливо всем оставаться!

– Сядь! – коротко приказал ему Орлов. Крячко удивленно посмотрел на генерала, но вернулся на свое место. – Вот так-то лучше.

– Я просто не пойму, зачем мы с Левой здесь находимся, – усмехнулся Станислав. – Вполне очевидно, что это дело мы вести не будем. К нашему мнению прислушиваться никто не хочет. Что нам тогда тут делать? Сидеть и слушать, как хорошего человека поливают грязью?

– Ты на работе будешь делать то, что я тебе прикажу! – У Орлова лопнуло терпение. – Ясно, полковник?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант! – фыркнул Крячко. – Ботиночки не позволите вам почистить?

– Стас, я тебя последний раз прошу замолчать. – В голосе генерала слышалось едва скрываемое раздражение, и Крячко решил не дергать спящего тигра за усы. Он кивнул, соглашаясь, и отвернулся. А Орлов посмотрел на Свиридова.

– Твое мнение, майор, по поводу высказывания Гурова, – поинтересовался он.

– Товарищ полковник высказался абсолютно ясно и предельно логично. Но он не берет в расчет один момент. – Свиридов сделал паузу. – Все его утверждения продиктованы личным

пристрастием и верой в невиновность Строевой. Я не берусь утверждать, что она причастна к совершению преступления, но и исключать этот вариант не считаю возможным.

Гуров хотел что-то возразить, но генерал остановил его жестом, дающим понять, что все проблемы можно будет обсудить в отсутствие майора. Орлов не верил в виновность Марии, но положение обязывало его быть беспристрастным. Впрочем, Гуров и сам это прекрасно понимал. Поэтому и промолчал. А Свиридов тем временем продолжил:

– Товарищ полковник вполне логично изложил, почему мы не можем утверждать, что Строева была в кабинете Левицкого. Но где доказательства того, что она там не была? Где эта простая штука, именуемая алиби? – Майор обвел глазами присутствующих. Все молчали. Поскольку хоть какого-нибудь завалящего алиби у Строевой не было. – Поймите меня правильно. Я не хочу делать поспешных выводов, но мы точно установили несколько фактов. Во-первых, Левицкий приглашал Строеву к себе в кабинет. Во-вторых, ей эту просьбу передавали. В-третьих, ее видели около лестницы приблизительно сразу после убийства. В-четвертых, нет никаких доказательств того, что Строева действительно отказалась выполнить распоряжение своего руководителя. Ну и последнее. У Левицкого в кулаке была зажата пуговица с костюма Марии. Того самого, в котором она была на сцене. Мы не можем не считаться с этими фактами.

Майор замолчал, и в кабинете повисла гнетущая тишина. И Орлов и Крячко считали, что Мария не могла убить худрука. Но Свиридов был прав. С приведенными фактами поспорить было трудно. Более того! Их было вполне достаточно для того, чтобы подвести Строеву под статью. И самой мягкой ее формулировкой было бы «непредумышленное убийство при самообороне».

Гуров тоже прекрасно понимал это, но сдаваться не собирался. Какими бы серьезными ни были факты, приведенные Свиридовым, все мог решить только пистолет. На нем просто не могли обнаружить отпечатки пальцев Марии. Как, впрочем, и любые другие отпечатки в случае их отсутствия. Но даже и это давало шанс. Поскольку никто из видевших в тот вечер Строеву не утверждал, что она была в перчатках или несла их в руках.

– В чем-то я согласен с утверждением майора, – прервал затянувшееся молчание Гуров. – Но у нас пока остается экспертиза пистолета. Дактилоскопическая и баллистическая. Я не думаю, что эксперты быстро с ней управятся, а Мария устала после спектакля. Да к тому же обвинения в убийстве потрепали ей нервы. Давайте отпустим ее домой и продолжим разговор утром.

– Лев Иванович, я прекрасно понимаю ваши переживания по поводу самочувствия супруги, но подождите еще десять минут. – Свиридов посмотрел на часы. – Как только мы нашли пистолет, я сразу отправил с ним человека в главк для того, чтобы поторопить экспертизу. Специалисты трудятся над ним уже больше часа, и результаты скоро должны быть.

– Хорошо, майор. Только десять минут, – усмехнулся Гуров. – Потом вам придется вызывать наряд, чтобы помешать мне увести отсюда Марию.

Но даже десяти минут ждать не пришлось. Буквально минуты через три после этой фразы сыщика в кабинет Орлова внесли предварительные результаты экспертизы. Свиридов мельком посмотрел на них и протянул бумаги генералу. Орлов, читая их, изменился в лице. На его высоком лбу появилась глубокая складка. А когда генерал поднял глаза, в них читались боль и сожаление.

– Закончить так быстро, как ты хотел, у нас, Лева, не получится, – растягивая слова, проговорил Орлов, стараясь не смотреть Гурову в глаза. – Тебе тоже придется ответить на ряд вопросов.

– Та-ак, дожили, – едко констатировал сыщик. – Меня тоже причислили к лику святых? И какие обвинения против меня выдвигаются?

– Пока никаких, – покачал головой генерал и оттолкнул в сторону Крячко, пытавшегося заглянуть в листы отчета через его плечо. – Просто тебе придется подробно объяснить нам,

чем ты занимался с семи часов вечера до половины восьмого. Времени, как видишь, немного. Так что, надеюсь, у тебя найдется на этот срок алиби.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.